

ПЕТР ВАЙДЬ
ГЕНИИ
МЕСТА

издательство **АСТ**
Москва

Оглавление

<i>От автора</i>	9
<i>К новому изданию</i>	11
ЗОЛОТЫЕ ВОРОТА	
ЛОС-АНДЖЕЛЕС — Ч.ЧАПЛИН / САН-ФРАНЦИСКО — Д.ЛОНДОН	14
КВАРТИРА НА ПЛОЩАДИ	
АФИНЫ — АРИСТОФАН / РИМ — ПЕТРОНИЙ	34
УЛИЦА И ДОМ	
ДУБЛИН — ДЖОЙС / ЛОНДОН — КОНАН ДОЙЛ	60
НА ТВЕРДОЙ ВОДЕ	
ВИЧЕНЦА — ПАЛЛАДИО / ВЕНЕЦИЯ — КАРПАЧЧО	76
ФРАНЦУЗСКАЯ КУХНЯ	
РУАН — ФЛОБЕР / ПАРИЖ — ДЮМА	104
ГОРОД В РАМЕ	
ТОЛЕДО — ЭЛЬ ГРЕКО / МАДРИД — ВЕЛАСКЕС	126
ТАЙНЫ САПОЖНОГО РЕМЕСЛА	
НЮРНБЕРГ — САКС / МЮНХЕН — ВАГНЕР	142
ЛЮБОВЬ И ОКРЕСТНОСТИ	
ВЕРОНА — ШЕКСПИР / СЕВИЛЬЯ — МЕРИМЕ	164
ДРУГАЯ АМЕРИКА	
МЕХИКО — РИВЕРА / БУЭНОС-АЙРЕС — БОРХЕС	188

СЕМЕЙНОЕ ДЕЛО	
ФЛОРЕНЦИЯ — МАКИАВЕЛЛИ / ПАЛЕРМО — ПЬЮЗО	214
ПОРТРЕТ КИРПИЧА	
АМСТЕРДАМ — ДЕ ХООХ / ХАРЛЕМ — ХАЛЬС	240
В СТОРОНУ РАЯ	
БАРСЕЛОНА — ГАУДИ / САНТЬЯГО-ДЕ-КОМПОСТЕЛА — БУНЮЭЛЬ	260
БОСФОРСКОЕ ВРЕМЯ	
СТАМБУЛ — БАЙРОН / СТАМБУЛ — БРОДСКИЙ	286
СКАЗКИ НАРОДОВ СЕВЕРА	
КОПЕНГАГЕН — АНДЕРСЕН / ОСЛО — МУНК	312
ВСЁ — В САДУ	
ТОКИО — КОБО АБЭ / КИОТО — МИСИМА	340
ПЕРЕВОД С ИТАЛЬЯНСКОГО	
МИЛАН — ВИСКОНТИ / РИМИНИ — ФЕЛЛИНИ	366
МАРШ ИМПЕРИИ	
ВЕНА — МАЛЕР / ПРАГА — ГАШЕК	394
ИЗ ЖИЗНИ ГОРОЖАН	
НЬЮ-ОРЛЕАН — Т.УИЛЬЯМС / НЬЮ-ЙОРК — О. ГЕНРИ	418
<i>ЛЕВ ЛОСЕВ. ПЕТР ВАЙЛЬ: AN APPRECIATION</i>	<i>442</i>

*Эле — неизменной спутнице,
первой читательнице*

От автора

Связь человека с местом его обитания — загадочна, но очевидна. Или так: несомненна, но таинственна. Ведает ею известный древним *genius loci*, гений места, связывающий интеллектуальные, духовные, эмоциональные явления с их материальной средой. Для человека нового времени главные точки приложения и проявления культурных сил — города. Их облик определяется гением места, и представление об этом — сугубо субъективно. Субъективность многослойная: скажем, Нью-Йорк Драйзера и Нью-Йорк О. Генри — города хоть и одной эпохи, однако не только разные, но и для каждого — особые.

Любопытно отнестись к своим путешествиям как к некоему единому процессу. В ходе его неизбежны сравнения — главный инструмент анализа. Идея любой главы этой книги и состоит в двойном со- или противопоставлении: каждый город, воспринятый через творческую личность, параллелен другой паре “гений—место”. Руан не просто становится понятнее благодаря Флоберу, а Флобер — благодаря Руану, но и соседняя пара — Париж—Дюма — дает дополнительный ракурс.

Понятно, что “гений” имеет к “месту” непосредственное биографическое отношение. Лишь в случае Вероны использован взгляд чужака, никогда в городе не бывавшего, но этот чужак — Шекспир.

Еще: хотелось отклониться от российской традиции литературоцентризма, обращаясь не только к писателям, но и к живописцам, архитекторам, композиторам, кинематографистам. Выбор имен, стоит еще раз повторить, определен лишь пристрастиями автора.

На линиях органического пересечения художника с местом его жизни и творчества возникает новая, неведомая прежде, реальность, которая не проходит ни по ведомству искусства, ни по ведомству географии. В попытке эту реальность уловить и появляется странный жанр — своеобразный гибрид путевых заметок, литературно-художественного эссе,

мемуара: результат путешествий по миру в сопровождении великих гидов.

Журнальные варианты почти всех глав публиковались в “Иностранной литературе” (1995—1998). Приношу искреннюю благодарность всей редакции и особо светлой памяти Н. Казарцевой.

1999

К новому изданию

“Гений места” впервые появился в 1999 году и с тех пор выходил еще несколько раз — но это правильнее называть не переизданиями, а новыми тиражами с исправлением опечаток. Новое издание — вот оно, для чего мне пришлось впервые прочитать книжку. Действительно, я никогда не читал эту книгу — ведь, как известно каждому пишущему, продукт типографского производства сильно отличается от текста на бумажных листах или экране компьютера. Другое отношение. Что включает и значительное отчуждение от собственного сочинения. Вышло в свет — ушло. Отрывается и существует само по себе: ему до тебя нет дела, да и тебе до него. Мне никогда не приходило в голову читать свои книжки — это как рассматривать себя на фотографиях или телеэкране: слишком многое не устраивает.

Но издатель настаивал, чтобы можно было проставить на титуле “Издание исправленное и дополненное” — пришлось прочесть. Оказалось — поучительно.

Наглядно и осязательно, как можно прочувствовать только на собственном опыте, всего за семь лет изменились знакомые места. Памятник Моцарту в Севилье перенесли на другую сторону улицы. Построили мост из Швеции в Данию, так что теперь шведам легче ездить за дешевым алкоголем. Возле станции метро “Бейкер-стрит” установили бронзовую статую Шерлока Холмса. Единообразная валюта заменила так или иначе обыгранные в книге гульден и кроны. Дублинский дом, изображенный в рассказе “Мертвые”, оживили, обставили по джойсовскому описанию, и пускают в него туристов. После столетия со дня рождения Борхеса память о нем, пребывавшая в изрядном небрежении, теперь в Буэнос-Айресе куда более явственна. Закрыли и снова открыли музей Андерсена в копенгагенском районе Нюхавен. Могилу Феллини, на незаметность которой я потратил ряд умозаключений, вынули из семейного склепа и перенесли к самым воротам кладбища в Римини, увенчав эффектным монументом. И так далее.

В новое издание коррективы я внес после некоторых колебаний: для туристической точности существуют путеводители, но все-таки обманывать, пусть невольно, не хочется. Хотя

за всеми переменами такого рода не поспеешь. Тем более что меняется мелочный, даже если броский, антураж — суть остается. Остаются гении и их места.

Творцы-классики и классические города — незбылемы. Зато меняешься ты, и как меняешься, становится понятно по ним. В этом, можно догадываться, смысл и значение классики. С “Гамлетом” уже четыре столетия ничего не происходит, но почему-то каждое десятилетие ставит его заново. И ты в свои двадцать воспринимал и понимал его не так, как потом в тридцать, и потом в сорок, и в пятьдесят, и по этой разнице можно кое-что узнать о себе.

Всего семь лет прошло с первого выхода “Гения места”, а я отчетливо ощутил, что уже по-другому читаю О. Генри, смотрю Висконти, слушаю Малера. По-иному гляжу на их Нью-Йорк, Милан, Вену.

Города изменились особенно — опять-таки не сами по себе, просто мне удалось увидеть их не так, как раньше.

Когда компания “Вокруг света” предложила превратить книжку “Тений места” в телесериал, сначала я растерялся. Предстояло все затеять заново — проехать по тем же маршрутам, воскрешая забытые уже чувства и соображения. Пресловутая река, в которую надо вступить еще раз, что, как учат мудрые древние, невозможно. Это и вызвало растерянность. А главное — перспектива превращать слова в картинки.

Превратили — и то, что так ясно в теории, убедительно подтвердилось на практике: словесный образ очень уж отличается от визуального. Натура сопротивлялась выбору и определяла его. Не все главы поддавались экранизации.

Мне в книжке было занимательно рассуждать о том, как голландский художник Питер де Хоох всю жизнь соперничал с Вермеером, что произошло с ним, когда он из Дельфта переехал в Амстердам, и почему в маленькой Голландии XVII века мог быть такой грандиозный перепад: в часе езды от провинциальной патриархальности — космополитическая всемирность. Но как все это показать через три с половиной века?

Города преображаются с течением лет по-разному. В современных Афинах можно выловить острова античности с

подлинным ощущением двадцатипятивековой старины и поместить туда комедии Аристофана. Но в нынешнем Мадриде, по сути, ничего не осталось от тех времен, когда в новую тогда столицу Испании переехал двор, и здесь работал назначенный в 1623 году придворным живописцем Диего Веласкес. Опять-таки в книге вполне возможно попытаться воссоздать атмосферу укрепляющейся мадридской столичности, но при чем тут сегодняшний телевизор?

Получается, что “Гения места” мы снимали “по мотивам” — иначе и быть не может, и я на себе понял неизбежную разницу между литературной основой и экранизацией.

Как передать мысль и чувство в лапидарных картинках, еще и подчиняясь жесткому временному графику? В словесности господствует экстенсивный способ хозяйствования: с кем хочу, с тем и граничу, здесь все размалюю и пойду дальше, все страницы мои, сколько ни есть. В телевидении — метод интенсивный: в полчаса, увы, всегда, тридцать минут, минус реклама. Литератор научается у телевидения краткости. В этом и непременные потери: жалко собственных соображений, они твои и оттого дороги. Но что делать: читатель может вернуться взглядом вверх по странице, если что-то не ясно, а зритель такой возможности лишен — значит, выражайся просто и внятно. Формальные ограничения — часто на пользу, и если не умеешь поместить то, что занимает книжную страницу, в сорок секунд перед объективом, плохо твое дело. И главное, конкретность: тут не годится “где-нибудь вокруг Мальтийской площади” — или Мальтийская, или не Мальтийская.

Я обрел навык помещать взгляд в мысленную рамку, отчетливо четкость изображения резко увеличивается. Хрусталик глаза каким-то образом перестраивается, взор обостряется, лучше виден окружающий мир, на который никогда не поздно учиться смотреть.

Все это я ясно осознал, впервые прочитав по настоянию издателя “Гения места”. Оказывается, даже свою книжку можно прочесть с пользой и с некоторым интересом.

ЗОЛОТЫЕ ВОРОТА

ЛОС-АНДЖЕЛЕС — ЧАРЛИ ЧАПЛИН
САН-ФРАНЦИСКО — ДЖЕК ЛОНДОН

